

©1995

В.А. БОРИСОВ, В.А. БИЗЮКОВА, К.В. БУРНЫШЕВ

КОНФЛИКТ НА УГЛЕДОБЫВАЮЩЕМ ПРЕДПРИЯТИИ

Авторы — сотрудники Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО). БОРИСОВ Вадим Анатольевич - кандидат социологических наук, исполнительный директор ИСИТО. БИЗЮКОВА Вероника Анатольевна — ассистент кафедры менеджмента Кемеровского государственного университета. БУРНЫШЕВ Константин Владимирович — социолог АО ИТЦ «Кузнецкуголь» (Новокузнецк).

Забастовки шахтеров стали весьма привычными для Кузбасса. В 1994 г. практически в каждом угольном городе, на каждом предприятии происходили остановки работы. Иногда они сопровождались выдвижением требований — политических или экономических, иногда носили чисто спонтанный характер. Различались они по степени институционализации. Часть забастовок носила организованный характер, во главе стояли профсоюзы, либо другие организации, представлявшие работников. Остальные забастовки, как и прежде, проходили на стихийном уровне.

Однако конфликт на шахте «Судженская» в Анжеро-Судженске имеет особое значение, так как впервые за несколько лет существования рабочего движения произошла сильнейшая политизация локального конфликта. Помимо этого конфликт приобрел взрывной характер, что привело к выходу горняков на рельсы и остановке движения на Транссибирской магистрали. Почему начавшаяся как обычно забастовка (с традиционными экономическими требованиями) привела к противоправным действиям экстремистского характера с

выдвижением политических требований? Этот вопрос стал основным в специальном исследовании. Было проведено свыше 50 интервью с рабочими, специалистами, руководителями предприятий, профсоюзов и городской администраций. Кроме «Судж-енской» исследовательская группа изучала ситуацию на других угледобывающих предприятиях города. Помимо опросов проводились сбор и анализ документальной информации о производственной и кадровой ситуации, сложившейся на этих предприятиях. Форма исследования (case-study) обуславливает необходимость уделения большого внимания описанию социального контекста, определяющего протекание интересующих нас процессов, и детальному описанию самих этих процессов.

Общая характеристика города

Анжеро-Судженск расположен на севере Кемеровской области, в Яйском административном районе и является одним из старейших городов Кузбасса. В 1994 г. в нем проживало 107 тысяч человек.

Как и все города региона, Анжеро-Судженск — промышленный город. Доминирует угольная промышленность (4 шахты, 2 обогатительные фабрики), хотя наряду с ней есть и другие крупные предприятия, например, АО «Пурин», бывший химфармзавод, крупный стекольный комбинат. Анжеро-Судженск — крупный железнодорожный узел на Транссибирской магистрали. Однако промышленное ядро города составляют предприятия угольной индустрии — угледобывающие и вспомогательные.

Шахта «Судженская» как источник конфликта

Шахта существует с 1897 г. Залегание пластов крутое, добыча угля немеханизованная. В соответствии с этим шахта, по критериям государственной компании «Росуголь» (преемник Минуглепрома) относится к категории неперспективных и является в городе кандидатом № 2 (после шахты «Анжерская») на закрытие.

В настоящее время шахта наиболее «беспокойная» в Анжеро-Судженске. Назовем некоторые показатели, отличающие «Судженскую» от других угледобывающих предприятий города. Если на иных шахтах в основном работают люди, проживающие в городе, то большинство персонала «Судженской» — жители шахтового поселка. Это район, сохранивший черты патриархальности. Шахтеры «Судженской» в большей степени, чем работники других шахт, живут в частных домах. Вследствие этого отношения на производстве дополняются тесными соседскими отношениями. Можно говорить об определенной степени общинной поддержки друг друга. Кроме того, проживание на протяжении нескольких поколений в относительно небольшом поселении привело к установлению родственных отношений между жителями. Неудивительно, что этот дух «коммунального общежития» со сплетнями, знанием подноготной друг друга и чисто житейскими проблемами переносится и на предприятие. Родственники работников подземной группы зачастую работают в администрации. Соответственно, все, что происходит в «конторе», сразу же становится известным в коллективе и не может не отражаться на производственных отношениях. В прежние времена шахта часто была победительницей смотров, социалистических соревнований и т.д. Шахта «очень живая», у нее есть свои плюсы и минусы. Как на любом предприятии здесь существуют свои конфликты и проблемы, но раньше все они оставались за кадром, поскольку коллектив был объединен общей целью выполнения плана, участия в соцсоревновании и т.п. Когда всевозможные починки исчезли, большая социальная напряженность на данном предприятии, по сравнению с другими, стала наглядной.

Общепризнано, что «Судженская» рассматривалась как «кузница кадров». Многие руководители концерна «Северокубассуголь» — выходцы с этой шахты, то же самое можно сказать и о главных специалистах других шахт города.

В 1994 г. шахта переживала трудные времена. Несмотря на хорошие перспективы — запасов угля хватит более чем на 100 лет — шахта снизила добычу, и тенденция к снижению нарастает. При уменьшении объема добычи произошло увеличение себестоимости тонны угля. На шахте сохранялась довольно высокая зарплата, которая, по мнению многих специалистов (особенно с других шахт города), не подкреплялась реальной добычей. На фоне катастрофического падения объема добычи у большинства категорий зарплата стабильно продолжала расти.

Закономерным следствием стало резкое снижение производственной дисциплины.

Несмотря на многомесячные задержки заработной платы в качестве главной причины указываются даже не отсутствие ее, а отсутствие работы и неясность, будет ли она вообще. Последние полтора года в городе и на предприятии упорно циркулируют слухи о скором закрытии шахты. Это подталкивает рабочих и ИТР к поиску работы в другом месте. Молодые специалисты отказываются от работы на неперспективном предприятии. Падение дисциплины коснулось не только рабочих, но и руководства. По многочисленным свидетельствам работников шахты, директор и старший надзор с весны 1994 г. практически перестали спускаться под землю и контролировать ситуацию. Учитывая перебои с поставкой леса, других материалов, ранние выходы со смены на поверхность стали нормальным явлением. Задержки зарплаты, достигшие на «Судженской» пяти месяцев, полностью подорвали материальные стимулы к труду. Выплата премий за хорошую работу и наложение штрафов также обесценились, поскольку и то, и другое подвергается инфляции к моменту получения зарплаты. По мнению нормировщиков предприятия, единственным стимулом к труду в нынешней ситуации остался страх перед закрытием шахты.

Именно длительные задержки зарплаты привели к тому, что в середине сентября прошлого года рабочие шахты объявили забастовку. При этом ни руководство концерна «Северокузбассуголь», в который входит шахта, ни более Высокая отраслевая структура («Росуголь») не уделили этому должного внимания. В результате конфликт принял крайне острые формы и приобрел ярко выраженную политическую окраску.

Добыча на шахте прекратилась полностью. Ситуацию осложнило и то, что «Судженская» не имеет угольного склада. Будучи выданным на поверхность, уголь поступает на обогатительную фабрику, откуда сразу же идет на погрузку. Остановка добычи привела к тому, что возникла угроза останковки котельной, которая отапливала поселок и давала тепло шахте. В результате руководители среднего и высшего звена под руководством директора были вынуждены в течение нескольких смен добывать уголь без рабочих! Неслыханный в Кузбассе факт.

Кадровая ситуация тоже складывалась очень неблагоприятно. В 1994 г. с шахты уволилось 928 работников (почти 1/3 общей численности на начало года), из них 855 (92,1%) — промышленно-производственный персонал. Большая часть уволившихся приходится на август, сентябрь и октябрь. В эти три месяца уволилось 468 человек, то есть половина всех уволившихся с начала года.

Среди причин, безусловно, доминировали переводы на другие предприятия — 15,1% и увольнения по собственному желанию — 46,1%. Это самые большие показатели выбытия работников среди шахт города. Даже на закрываемой шахте «Анжерской» за этот период уволилось меньше людей.

Справедливости ради следует отметить, что на шахте шел прием, но за десять месяцев было принято всего 186 человек.

В результате практически все подразделения имеют недокомплект кадров. Особенно остро это сказалось на добычных участках. Лучшие рабочие оттуда ушли, и, когда потребовалось восстановить добычу, оказалось, что работать некому. И это на фоне обострения городской проблемы занятости шахтеров. С одной стороны, шахтеры не могут найти работу, с другой — на шахте есть вакансии на добычных участках, куда никто не идет, так как не верят, что «Судженская» сможет вернуться в разряд перспективных предприятий.

Именно такая обстановка предшествовала возникновению наиболее острого конфликта в Кузбассе.

Хронология событий

19 июля 1994 г. III смена не спустилась в шахту. Бастующие сформулировали требования к директору.

Утром *20 июля* рабочие собрались в «зеркальном зале» (так шахтеры называют совершенно запущенный зал без единого кресла, где проводят сменные собрания). Три смены заявили о прекращении работы. Был избран Совет трудового коллектива (он же стачком). В тот же день принято решение директора о создании согласительной комиссии.

21 июля шахта вновь приступила к работе. Собрание трудового коллектива приняло решение следовать требованию закона — объявить о дате забастовки не позднее чем за 42 дня. Была определена дата забастовки, 1 сентября, и объявлено, что до этого времени шахта находится в предзабастовочном состоянии.

22 июля на шахте работала согласительная комиссия, однако практических действий не последовало.

Почти каждый день на шахте проходили сменные собрания, на которых выступали рабочие. Директор и начальник ОТиЗ ездили в Москву, но безрезультатно. Тем не менее, директор постоянно заверял: «Деньги будут».

В течение почти двух месяцев представители трудового коллектива использовали всевозможные каналы для встреч с руководителями разного уровня и решения проблем предприятия. Однако это ни к чему не привело.

15 сентября шахта забастовала. С этого момента каждый день проводились собрания. Шахтеры приезжали к началу смены, отмечались, выслушивали «последние известия» и разъезжались по домам. Работу продолжали службы, обеспечивающие жизнеспособность шахты. Администрация старалась найти кредиты, каждый день обращалась в областной центр.

19 сентября горняки «Судженской» в первый раз организованно вышли на городскую площадь к Дому Советов. Состоялась встреча с местными властями, представителем «Северокузбассуголя». Диалога не получилось.

4 октября прошло общешахтовое рабочее собрание. На нем присутствовали 1 500 человек из 1 640 работающих. Люди возмущались тем, что несмотря на 21 день забастовки, никого не волнует судьба шахтеров.

4 октября ситуация вышла из-под контроля, СТК стали обвинять в продажности. Стачком направил телеграмму генеральному директору «Росугля» с требованием срочно рассмотреть требования шахтеров во избежание социального взрыва. Главе городской администрации, которого посетили члены СТК, были предъявлены требования: приезд главы областной администрации или кого-либо из его заместителей, представителей «Северокузбассуголя» и Минтопэнерго. В ответ он заявил, что не в его компетенции приглашать руководство, а также отказался взять список требований шахтеров.

5 октября — снова митинг у Дома Советов, Заместитель главы администрации города сообщил: «Отбили во все инстанции телеграммы, связались с концерном "Северокузбассуголь", позвонили в Москву» и предложил двум делегатам от бастующих поехать в Кемерово. Людей это уже не устраивало. Раздались возгласы: «Сколько можно кормить обещаниями?», «Это все слова!», «Когда будет заработная плата?» Перед выходом шахтеров на площадь глава администрации, с которым бастующие собрались встретиться, сел в машину и уехал. Многие восприняли это как оскорбление и нежелание властей вести разговор. В туниковой ситуации призыв: «Надо магистраль перекрывать! Может, хоть тогда на нас обратят внимание» был воспринят как вполне обоснованный.

Около 500 человек перекрыли Транссибирскую магистраль на четыре с половиной часа. Колонну бастующих сопровождали несколько легковых автомобилей Отдела внутренних дел города, не мешая и не препятствуя им. К месту перекрытия были подтянуты группы ОМОНа. Приехал директор шахты, представители «Северокузбассуголя», представитель «Росугля» по Кузбассу. Собравшимся сообщили «схему», которую представил забастовщикам в своей телеграмме генеральный директор «Росугля»: 200 миллионов руб. шахте отправляется сегодня же. Люди выходят на работу. Через неделю они получают еще 1 млрд руб. Еще через неделю — столько же. Остальное — в ноябре. Всего 4,2 млрд. После этого заявления рабочие разблокировали дорогу.

10 октября, в понедельник, во Дворце культуры шахты состоялась встреча коллектива с председателем областного Законодательного собрания, А.Г. Тулеевым, который заявил о полной поддержке требований горняков «Судженской» и встречном судебном иске против администрации в случае давления на забастовщиков. Бастующие попросили А. Тулеева пригласить В. Жириновского в Анжеро-Судженск.

18 октября в Анжеро-Судженск прибыл В. Жириновский. В городском Доме культуры прошла встреча с жителями. Были представители «Судженской». Встреча явно удалась. По многочисленным отзывам, «Он покорила Анжерку!» СТК отдал Жириновскому письмо с просьбой о выделении 3 млрд руб. для шахты. Письмо было на имя депутатов Госдумы В. Жириновского и Г. Зюганова, По словам одного из членов СТК, через день после приезда Жириновского в Москву О. Сосковец говорил по радио о необходимости финансовой поддержки «Судженской».

Координатор ЛДПР из Анжеро-Судженска впервые «появляется на сцене» во время встречи с Жириновским. Через три-четыре дня он уже вошел в тесный контакт с членами СТК шахты, помогал им формулировать требования для участия в общероссийской акции

ФНПР в Кемерове. Во время поездки в Кемерово он был признан членами СТК как негласный лидер.

27 октября 55 рабочих «Судженской» приняли участие в акции, организованной ФНПР Кемеровской области. Требования трудового коллектива шахты зачитывал не работающий здесь член ЛДПР. К требованиям, выдвинутым коллективом в начале забастовки, добавились политические, касающиеся отставки правительства, президента и т.п. В выступлении и формулировках чувствовался «стиль Жириновского».

3—4 ноября в Кемерове состоялась сессия Законодательного собрания, 38 человек от шахты пикетировали здание администрации в поддержку Тулеева.

Утром 4 ноября проведено собрание трудового коллектива (присутствовали около 300 человек — фактически сменное собрание). Решался вопрос о выходе из забастовки. Большинство было настроено начать работу. Однако выступивший в роли ведущего представитель ЛДПР, хотя и не являющийся работником предприятия, но активно поддержанный членами СТК, очень эмоционально рассказал: журналисты местной телепрограммы «Пульс» уже сообщили о том, что шахта «Судженская» начала работу. Он призвал шахтеров делом опровергнуть лживую информацию и продолжить забастовку до 11 ноября. Его предложение было принято.

8 ноября приказом по концерну «Северокузбассуголь» назначен временно исполняющий обязанности директора шахты вместо предшествовавшего, получившего недоверие трудового коллектива. Эта должность была предложена нескольким кандидатурам, но все отказались.

11 ноября, 8.00 — собрание трудового коллектива (присутствовало около 600 человек). Выступают новый директор и представитель ЛДПР. Директор говорит о том, что деньги за июль и август уже поступили на шахту и будут выплачены на следующий день, передает гарантии «Росугля» и обещает сделать все, от него зависящее, чтобы люди смогли начать зарабатывать, а не просить, как нищие, подачки. Он поддержал требования шахтеров: «Я с вами! Но для того чтобы что-то требовать, мы должны давать уголь»; установил контакт с залом, и рабочие подтвердили свое согласие начать работу. Директор объявил, что поскольку решение начать работу принято, с этого дня устанавливается жесткий контроль за прогульщиками, которые не нужны коллективу. После этого слово взял преподаватель местного института, координатор ЛДПР, заявивший: «Мужики, все увольнения — только через СТК! Никого не бойтесь!» Он зачитал список требований бастующих, включающий требования отставки правительства, местного руководства и начальника Кемеровского аэропорта, не давшего возможности посадить самолет с депутатами Госдумы от фракции Жириновского. Последний пункт требований гласил: «В случае невыполнения одного из требований, возобновление политической забастовки с оккупацией предприятия, жесткий пропускной режим от СТК, от трудового коллектива и от забастовочного комитета», то есть выставлялись заведомо невыполнимые требования. Несмотря на настойчивость партийного активиста, директор убедил всех выйти на работу. После этого представитель ЛДПР от лица СТК и трудового коллектива объявил о приостановке забастовки до 20 ноября.

21 ноября, 8.00 — рабочие I смены после наряда вышли в общий зал. Представитель ЛДПР вновь призвал к возобновлению забастовки. Однако хотя за начало работы проголосовало только два человека, после голосования все разошлись по участкам, и шахта в полном составе (возможно, за исключением нескольких человек, входящих в СТК) приступила к работе.

Можно сказать, что забастовка завершена. Или приостановлена? Ведь «залповая» выдача зарплаты, задерживаемой в течение пяти месяцев, — лишь временное решение проблемы.

Роль управленцев в конфликте

По мнению большинства работников шахты, главный виновник доведения предприятия до такого бедственного состояния — директор шахты. Особенностью положения, в котором оказалась шахта, является то, что в действительности с ней рассчитались полностью потребители, и были выплачены все средства, полагающиеся по отраслевому соглашению. Роль директора сказалась в том, что по его приказам нормировщики вынуждены были начислять больше средств на оплату труда, чем это полагалось. Директор исходил из необходимости «вывести зарплату на достойный шахтера уровень» Независимо

от объема добычи. Поскольку выплаты по тарифному соглашению идут на тонну добытой продукции, под «нарисованные квитки» не было реальных денег. Рабочие считают, что вина за это полностью лежит на администрации шахты, поскольку они сделали то, что от них требовалось и получили квитки на оплату. Поскольку шахта является государственным предприятием, они обращались в официальные структуры с требованием выплатить начисленное и разобраться с некомпетентным руководителем.

Ситуация на шахте «Судженская» может служить хорошим индикатором изменений (или их отсутствия) в сфере управления угольными предприятиями. Конечно, она представляет собой крайний и выходящий за «привычные рамки случай, но именно такие прецеденты выявляют предельные возможности системы управления. Социальный взрыв 1989 г. также начинался с локальных и, на первый взгляд, не связанных между собой «отказов от работы», сначала отдельных бригад и участков, а затем и целых шахтерских коллективов.

Какие же черты будущих трудовых (социальных) конфликтов проявились на шахте? Не станет ли система управления отраслью их детонатором? Какую тактику выбирать профсоюзным организациям при взаимодействии с администрацией?

Традиционная проблема «первого и второго этажей» (отношений подчиненных и начальства) приобретает новое звучание в свете того факта, что само «строение» может рухнуть, так как существование шахты всерьез поставлено под сомнение. О какой эффективности управления может идти речь, когда рабочий считает, что «все руководство сплослось, переплелось в семейственности и коррупции, ворует и наживает капитал, обманывает трудящихся и государство»? Наиболее одиозными фигурами при этом являются бывший директор («и требовать не требовал, а просто воровал»), начальник гаража и главный бухгалтер.

ИТР шахты формально дистанцируются от способов действий рабочих. Те из них, кого выбрали в первоначальный состав СТК, впоследствии покинули его. Со стороны ИТР была попытка остановить движущуюся к железной дороге толпу. Однако рядовые ИТР и часть руководителей присоединяются к требованиям рабочих. Здесь срабатывает коллективный инстинкт самосохранения: если не привлечем внимания к своим проблемам, то не будет ни шахты, ни проблемы подчиненных и начальников.

Ведущей идеей забастовок 1989 г. была идея улучшения жизни шахтеров через преобразование системы управления, получения шахтами самостоятельности. Затем она трансформировалась в протест против ухудшения жизни, медленного проведения реформ. На «Судженской» основным лейтмотивом стало просто выживание коллектива (почти на грани физического существования).

Позиция руководства шахты, в отличие от четкой и определенной позиции рабочих, отличается некоторой двойственностью. С одной стороны, они также наемные работники, которые могут потерять место в связи с закрытием предприятия. С другой стороны, они, как исполнители, находятся под давлением «сверху» и должны проводить парадоксальную политику: управлять так, чтобы подчиненные разбежались. И это им частично удается: рабочих основных специальностей осталось менее 1/3 от того количества, которое было на начало года.

На своем уровне у руководства шахты есть рычаги управления, позволяющие сдерживать недовольство рабочих. Один из таких рычагов — заработная плата, точнее, то, что называют «нарисовать квиток». Начисление происходит по прямому приказу директора, во власти которого дифференцировать ее в зависимости от лояльности того или иного «первичного коллектива». Больших фактических расходов эта система не требует, так как некоторое повышение отдельных категориям работников нивелируется длительной невыплатой в сочетании с инфляцией.

Свой труд руководители оплачивают несколько выше, чем труд рабочих (таблица).

Максимальный разрыв в заработках отмечен в конце весны — начале лета 1994 г., когда добыча угля была минимальна, а затем остановлена.

Общая установка отраслевого руководства: по возможности ничего не платить и не давать. Шахта «Судженская» тому наглядный пример (с мая по октябрь рабочим не выдава-

Среднемесячная заработная плата в 1994 г. (тыс. руб.)

Группы	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май,	Июнь	Июль	Август
Рабочие	257	159	307	281	334	327	279	352
ИТР	303	234	562	521	568	566	490	431

ли заработной платы). Конечно, в результате можно получить социальный взрыв, однако хитрость состоит в том, чтобы не получить его одновременно на всех шахтах, в масштабах всей отрасли (сказываются уроки 1989 г.). А такие «микровзрывы», как на «Судженской», гасятся в «рабочем» порядке. При этом оперативные полумеры «Росугля» и «Северокубассугля» не решают проблема шахты, а лишь оттягивают время.

Логическое следствие действий угольных «генералов» — их нежелание встречаться «с народом». Шахтовая газета «В бой за уголь» от 12 октября 1994 г.: «... Люди были возмущены тем, что несмотря на 21 день забастовки, никого не волнует судьба шахтеров. За это время никто ни из области, ни из компании "Росуголь", ни из Министерства топливной промышленности, ни из правительства не побывал на шахте...».

Еще одной особенностью развития ситуации на «Судженской» является то, что для привлечения внимания к проблемам горняков забастовки оказалось мало — возрос порог реагирования «властей». Потребовалось остановить движение на Транссибе, то есть на другом производстве, не относящемся непосредственно к угольной промышленности. Круг «обратной связи» между управляемыми и управляющими замкнулся только на уровне Государственной Думы через В. Жириновского и А. Тулеева.

Симптоматично появление на сцене двух действующих лиц, которые, на первый взгляд, исключают друг друга. Это лидер городской организации ЛДПР, фактически возглавивший забастовку и дальнейшие акции протеста, а также новый исполняющий обязанности директора шахты.

Канувший в Лету классический, советский треугольник «администрация — партком — профком» унес за собой и видимость социальной гармонии интересов на производстве. Отсутствие механизмов разрешения конфликтов на уровне отдельных предприятий и даже участков приводит к тому, что «народом» находятся новые, нетрадиционные каналы воздействия на управляющих (например, перекрытие Транссиба). Этому способствуют, как на «Судженской», слабость и неавторитетность профсоюзной организации и коллективная безответственность администрации.

Вакуум заполняется, с одной стороны, радикальным политиканом, со стоящей за его спиной «партией» (ЛДПР), с другой стороны, консервативным руководителем из «старой гвардии», со всеми, приметами «жесткой руки». Плюс СТК как подобие организации, выполняющей некоторые функции профсоюза.

Роль Профсоюзов в конфликтных ситуациях

Влияние профсоюзов на предприятиях практически равняется нулю, особенно на уровне разрешения конфликтов рабочих с надзором. Фактически профсоюз сейчас занимается ограниченным кругом традиционных вопросов социального вспомоществования, выполняя при этом роль социального отдела при администрации. При этом средств профсоюза не хватает даже на новогодние подарки, и на предприятиях помощь в этом оказывает администрация.

Значение профсоюза в заключении тарифного соглашения и колдоговора рабочими не воспринимается, главный критерий оценки — «что я с этого имею», Подразумевается возможность получения бесплатных путевок и других благ. Поскольку всего этого давно нет ни на одном предприятии, для рабочих не существует и профсоюза.

При почти полном бездействии профкомов как таковых статус профсоюза на шахте практически полностью определяется ролью и «силой» председателя профкома.

Профсоюзные деятели занимают собственно «профсоюзную» позицию только в массовых спланированных акциях, или если дирекция сама заинтересована в забастовке. Рабочие не верят в бескорыстное участие в них профсоюза. На всех шахтах есть случаи выхода из профсоюза, не носящие, однако, массового характера.

На «Судженской» положение профсоюза еще более драматично. Последний председатель профкома ушел со своего поста задолго до забастовки, после этого сменилось два исполняющих обязанности, причем уход одного из них совпал с объявлением трудовым коллективом предзабастовочного состояния. Таким образом, все перипетии забастовочной борьбы проходили без влияния профсоюза. Руководство забастовкой взял на себя избранный Совет трудового коллектива. По мере обострения и политизации конфликта СТК неоднократно менялся и в последнем, наиболее решительном настроенном составе, лидером стал рабочий, год назад вышедший из профсоюза и не видящий пользу от этой организации.

Беда «Судженской» в том, что на ней вообще нет действующего профсоюза. Во время

своего последнего посещения шахты представитель «Росугля» указывал на необходимость как можно скорее провести выборы профкома, поскольку не с кем работать, не с кем вести переговоры. Сейчас, со своей стороны, администрация заинтересована в создании органа, который бы выражал интересы рабочих и пользовался у них авторитетом.

Восприятие событий шахтерами других шахт города

Положение на «Судженской» осенью 1994 г. активно обсуждалось на шахтах города. Отношение к забастовке судженцев в ходе исследования высказали рядовые шахтеры, начальники участков и профсоюзные лидеры шахтуправлений «Сибирское» и «Физкультурник». Мнения сводятся к одному: все понимают, что жить без зарплаты пять месяцев нельзя, поэтому поддерживают действия доведенных до бедственного положения. Поддержка рабочих «Судженской» была выражена с различной степенью: от полного безоговорочного одобрения до констатации факта забастовки с последующим анализом обстоятельств. Полностью солидарны с судженцами рабочие, и чаще всего они сожалеют о том, что не поддержали забастовку. Сожаление связано с грозившей длительной задержкой зарплаты, слухи о чем постоянно распространяются по городу. По словам самих рабочих, они совершенно нормально (!) переносят невыплату в течение трех месяцев, на четвертый растет напряженность (многие сейчас переживают именно это время), на пятый — возникают стихийные действия. Длительность покорного ожидания объяснялась рабочими тем, что три летних месяца шахтеры прожили за счет своего подсобного хозяйства, особенно тяжелым был для всех сентябрь — время, когда надо собирать детей в школу. Выступления в октябре объяснялись отчаянием людей, потерявших терпение, просто невозможностью содержать свои семьи.

Начальники участков с пониманием относятся к происходящему на «Судженской», поскольку им также, как правило, задерживают зарплату. Председатели профкомов бывали на собраниях рабочих «Судженской». Они говорили, что поддержка забастовщикам могла быть в любой форме, но остановка шахт недопустима: Формы поддержки предлагались традиционные для профсоюза. Например, организация делегаций в различные инстанции (в том числе и в московские). Судженцы не приняли такую форму, на чем диалог между шахтами был закончен.

Причины происходящего на «Судженской» по-разному видели наши респонденты. Профсоюзные лидеры (и начальники участков) назвали главной причиной развала шахты деятельность бывшего директора шахты, а демонстративные акции бастующих объясняли наличием «чужого» человека в стачкоме. О бывшем директоре «Судженской» было мнение как о некомпетентном руководителе. При хороших запасах угля он довел шахту до развала. Появившийся на арене представитель партии ЛДПР своими выступлениями оттолкнул от забастовщиков сочувствующих с других шахт. Кадровый состав бастующей шахты изменился за последние полгода так, что, по мнению опрошенных, остались работники с низкой квалификацией и плохой репутацией. Это рассматривалось как одна из причин такой забастовки.

Осведомленность о ходе как забастовки, так и процесса развала шахты вызвала у людей, занимающих разное положение, одинаковые ассоциации. На других шахтах опрашиваемые неоднократно заявляли, что процессы на «Судженской» сходны с теми, что происходят на их предприятиях. Респонденты уловили этапы в том, как действующая шахта становится на грань закрытия, и увидели явные признаки этого на своей шахте. Грустные аналогии ставят перед работниками шахт вопрос: а что будем делать мы в таком случае? Ответ на него таков — или забастовка, или терпение. Забастовка как организованное и законное действие никому из респондентов не представляется возможной. Скорее всего, это будет стихийная забастовка, итоги которой оцениваются по-разному: имея опыт выступления в феврале, люди уже понимают, что незаконная забастовка может поставить их под удар увольнений, и многие рассматривают это как сильный сдерживающий фактор, но ждать и терпеть можно до определенной черты.

Выявление отношения к остановке на "Судженской" показало, что на шахтах не реальной объединяющей силы и нет мирного механизма разрешения конфликтов. Эмоционально - есть настрой на забастовку, если случится то же, что и на «Судженской», и нет реальной организации, которая бы возглавила этот процесс. Положение, в котором находится город, где ряд предприятий остановлены, а шахты признаны неэффективными, благоприятствует формированию общественного мнения о затухающем (а чаще умирающем) Анжеро-Судженске. В таком положении начавшаяся горячая забастовка грозит перерасти в городскую.

Политизация конфликта

В ходе однодневной остановки 19—20 июля 1994 г. трудовой коллектив сформулировал ряд требований к администрации шахты, «Северокузбассуголю» и «Росуголю». За исключением требования отставки главного бухгалтера шахты и выражения недоверия директору, все остальные касались чисто экономических вопросов. Последующий период, когда шахта находилась в предзабастовочном состоянии до 15 сентября и в дальнейшем вышла на забастовку, привел к тому, что в поисках «защиты и справедливости» представители горняков ходили по кабинетам, накапливая злость на власть имущих, которые не обращали должного внимания на шахтерские проблемы.

На протяжении двух месяцев до начала забастовки и трех недель с момента остановки работы представители трудового коллектива обращались в разные инстанции, используя законные методы и официальные каналы для выражения недовольства. Отсутствие реакции со стороны властей и отраслевого руководства привело трудовой коллектив в подавленное состояние и подтолкнуло к экстраординарному шагу с единственной целью — привлечь к своим проблемам внимание тех руководителей, в компетенции которых решение проблем предприятия.

Характерно, что администрация использует процедуру выборов и беседы с делегируемыми трудовыми коллективами активистами для давления на избранных, их запугивания, обещания благ или угроз конкретным лицам. Поэтому люди отказываются от этих органов в пользу воздействия на администрацию «толпой» как более результативного и безопасного для рабочих метода взаимодействия с официальными органами.

Перекрытие Транссибирской магистрали горняками «Судженской», хотя и привлекло внимание всей страны и способствовало временному решению выплаты пятимесячной задолженности по зарплате, еще раз показало шахтерам, что они вынуждены противостоять огромной государственной машине. Первыми отреагировали на действия шахтеров городская прокуратура и ГУВД. Вечером после перекрытия пятерых наиболее активных участников (одного из них в наручниках) милиция привезла в горотдел «для свидетельских показаний». Через несколько часов их отпустили, однако этот факт взбудоражил весь коллектив. По факту перекрытия магистрали было возбуждено уголовное дело. Утром следующего дня на собрании трудового коллектива шахты выступали прокурор города и начальник ГУВД. Государственная карательная машина вновь старалась выявить «инициаторов и зачинщиков» и, не вникая в обстановку, подтолкнувшую людей к акту отчаяния, опять пытались решать вопрос на уровне персональных наказаний.

Единственной поддержкой горняков оказались оппозиционеры в лице А. Тулеева и В. Жириновского. Первый пообещал выступить со встречным заявлением о возбуждении уголовного дела против тех, кто спровоцировал людей преступить закон, в том случае, если городские правоохранительные органы не закроют дело в отношении судженцев. Второй обещал решить вопрос о выплате денег шахтерам через Госдуму. Как следствие этого, политические требования стали неотъемлемой частью требований горняков с момента избрания нового СТК. На встрече с Тулеевым они заявили: «Аман Гумирович, для нас зарплата уже не основное. Мы пойдем за вами до конца и готовы на самопожертвование». Стачком и трудовой коллектив превратились в орудие политической борьбы.

При этом все опрошенные с «Судженской» признали положительный эффект перекрытия магистрали: «Транссибирская магистраль привлекла внимание страны». И рабочие, и ИТР полностью поддержали решение перекрыть магистраль как единственный способ обратить внимание на нужды коллектива. В то же время представители и старшего надзора шахты понимают, что на какое-то время шахта оказалась в центре политической борьбы и поэтому нужно использовать момент, чтобы получить от правительства и «Росугля» все, что можно.

Степень политизации производственного конфликта достаточно убедительно показывает сравнение требований, с которыми горняки «Судженской» вошли в предзабастовочное положение, с требованиями, которые они выдвигают при выходе из забастовки. Если список требований (от 20 июля 1994 г.), которые были предъявлены директору шахты, касался своевременной выдачи зарплаты и отпускных, получения спецодежды, необходимости отстранения главного бухгалтера и выражения недоверия директору, то в совместных требованиях трудового коллектива «Судженской» и ЛДПР упор сделан на отставку президента, правительства РФ в полном составе, главы областной администрации, то есть на чисто политические вопросы.

Институционализация производственных конфликтов

Поскольку до сих пор, несмотря на смену формы собственности, судьба предприятия зависит от государства, практически любой производственный конфликт обретает политическую окраску. Происходит политизация конфликта, разрешение производственных, хозяйственных и экономических проблем упирается в существующие политические структуры.

Так как экономическое положение предприятий ухудшается, забастовки будут гораздо чаще. При этом политические партии используют их для достижения своих политических целей. В этом случае мы будем иметь дело с одной из форм институционализации производственного конфликта. Что представляется интересным? Трудовой коллектив:

— Долгое время старается разрешить вставшие перед ним проблемы, «варится в собственном соку», использует известные каналы выражения недовольства. Они не действуют.

— Использует забастовку как крайнюю меру. Она не действует.

— Готов пойти на акты отчаяния.

И тут появляется «человек со стороны», представитель партии. Предлагает новый канал выражения и направления накопившего недовольства рабочих — партийный канал, который берет делегированные трудовым коллективом полномочия и использует их тактически для давления на властные структуры в интересах рабочих, стратегически — для отстранения от власти правящей группировки.

На примере «Судженской» мы видим использование этого канала при передаче писем с требованиями трудового коллектива Жириновскому и Зюганову. Этот канал сработал (выступление по российскому радио заместителя Председателя правительства РФ О. Сосковца, который заявил о необходимости финансовой поддержки шахты). Происходит достижение на какой-то период консенсуса между рабочими и партией. С одной стороны, используя политические рычаги, лидеры партий выбивают средства для шахты и помогают трудовому коллективу (на время) решить финансовые проблемы; с другой стороны, партии обретают авторитет и влияние на политическом олимпе.

Таким образом, в условиях несоблюдения законных процедур прохождения жалоб и разрешения производственных конфликтов, партии становятся новыми каналами направления народного недовольства, и институционализация производственных конфликтов начинает принимать политические партийные формы.

Официальные каналы эти функции не выполняют. Приведем два примера.

Первый. Члены СТК шахты «Судженская» вручают список требований главе городской администрации и требуют, чтобы он организовал встречи с главой областной администрации и руководством «Росугля» — вполне законные требования (нет нарушения правовых норм). Глава города отвечает, что, во-первых, не в его компетенции приглашать руководителей высших эшелонов (выставляет первый барьер для забастовщиков) и, во-вторых, отказывается принять от членов СТК список требований бастующих. Таким образом, он блокирует законный канал выражения недовольства, и рабочие начинают искать обходные, в том числе и незаконные, пути быть выслушанными. В принципе они требовали от руководителей, компетентных принимать необходимые решения, сесть за стол переговоров как равноправные партнеры. В других случаях выборные органы (например, рабочая, или инициативная группа от бастующих для ведения переговоров с руководителями) использовались руководством не для разрешения конфликта, а для «индивидуальных разборок» с «зачинщиками».

Второй пример. Так и не сумев пробиться к начальству, рабочие решают передать письмо с просьбой о помощи Жириновскому: Используется партийный политический обходной канал для давления на «Росуголь» уже не «снизу», а «сверху», через Госдуму, правительство и прочие структуры. При существовании организованной оппозиции эти каналы могут стать достаточно популярными (и даже основными, что опасно для официальных каналов, которые в результате своей невостребованности теряют влияние и реальную власть). Здесь нет ничего принципиально нового: мы вновь имеем дело с влиянием на производственные процессы «по партийной линии», только уже в условиях многопартийности.

Сейчас в рабочей и профсоюзной среде ведутся разговоры о необходимости лоббирования своих интересов в структурах власти и о поддержке какой-либо из существующих партий на предстоящих выборах. Проблема в том, что, если поддержанный профсоюзом партийный кандидат не выполняет возложенных на него обязательств, профсоюз не имеет

права на отзыв такого депутата. Необходимо осуществлять это через партию, его выдвинувшую. Однако партия, как и всякая организация, имеет собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами профсоюза. В таком случае механизм отзыва депутата блокируется партийными интересами, и вновь появляется зависимость профсоюза от подержанной им политической партии. Поэтому более целесообразно для профсоюза искать возможности для самостоятельного выдвижения своих кандидатов в депутаты и непосредственно осуществлять их отзыв, если они не выполняют своих обязательств.

Перспективы конфликта

Они напрямую связаны с перспективами самой шахты. По мнению работников предприятий, шахта будет закрыта. Подобный взгляд основывается на выступлениях как руководителей городского и областного уровня и отраслевых боссов, так и лидеров профсоюза. Помимо этого — немеханизированная добыча угля, относящая шахты такого рода к категории нерентабельных, в соответствии с программами «Росугля». Следовательно, при учете лишь экономических факторов шахта будет закрыта, как только она станет разыгранной картой в политической борьбе.

Кроме того, между отраслевым руководством и местными властями, с одной стороны, и профсоюзом угольщиков, с другой, нет разногласий по этому вопросу. Нет реальной организованной силы, которая могла бы противодействовать принятию решения о закрытии шахты.

Участие представителей политической оппозиции в конфликте приводит к тому, что экономические соображения отодвигаются на второй план, и конкретная шахта используется как мощный фактор в политической борьбе. Оппозиции нужны такие «умирающие» шахты, поскольку их работники составят активный электорат, который поддержит оппозиционеров на выборах. С приходом к власти оппозиция будет вынуждена считаться с экономическими законами, которые поставят перед ней вопрос: что делать с нерентабельными предприятиями? Если новая политическая партия будет проводить жесткую линию на «наведение порядка», оппозиционные силы будут подавлены и некому будет на общегосударственном уровне выступить в защиту шахтеров. Новая власть столкнется с теми же проблемами и, возможно, решится на закрытие шахт.

Если же отвлечься от разыгрывания в очередной раз шахтерской карты в политической игре, а к экономическим соображениям добавить социальные последствия закрытия предприятий, являющихся градо- или поселкообразующими, то складывается совершенно другая картина; Районы Севера и Сибири обладают рядом особенностей, которые не позволяют процементировать на них процессы регионов Центральной России. Отсутствие социальных взрывов и сильных забастовок в Ивановской области, достигшей наивысших показателей безработицы, не доказательство того, что в Кузбассе реакция населения будет аналогичной. Органам, принимающим решения о закрытии предприятий без предоставления других рабочих мест увольняемым, не следует забывать о том, что Сибирь — это регион, куда столетиями ссылались уголовные и государственные преступники. До сих пор именно здесь располагается наибольшее число исправительно-трудовых колоний, колоний-поселений и спецкомендатур. Многие из отбывших сроки наказания остаются жить в этих местах. В течение очень долгого времени здесь происходила искусственная концентрация криминогенного элемента. Отбывшие наказание, как правило, люди с надломленной психикой, слабо контролирующей свое поведение и, при создании дестабилизирующих ситуаций, подверженные вспышкам агрессии. До самого последнего времени трудоустройство освобожденных из мест лишения свободы, а также ранее судимых и находящихся под административным надзором, было обязанностью правоохранительных органов. Несмотря на отсутствие безработицы уровень преступности в этих регионах высочайший по стране.

Для Анжеро-Судженска характерна атмосфера ожидания катастрофы, все говорят об «умирании» города. В таких условиях у людей формируется «кризисное» сознание, когда от безысходности они пытаются все решить грубой физической силой. Еще в 30-е годы нынешнего века предсказывалась недолговечность Анжерских рудников, так что «кризисные» настроения горожан в целом имеют достаточно глубокие исторические корни. Поскольку люди находятся в «ожидании», чисто психологически они не могут заставить себя предпринять что-то конструктивное, переломить ситуацию и начать действовать в поисках позитива.

Как среди рабочих, так и среди младшего шахтового надзора, распространены высказывания о необходимости наведения порядка, расстрелов мафии и государственных чиновни-

ков. Для себя лично и для своего окружения многие допускают возможность грабежей (в том числе своего шахтового оборудования, поездов на Транссибе) и воровства.

Таким образом, можно прогнозировать высокую вероятность вынужденных активных противозаконных действий людей, столкнувшихся с реальной безработицей без шанса найти равноценное альтернативное рабочее место. Рост преступности, которая грозит из мафиозно-групповой перераста в массовую, приведет к необходимости огромных затрат на содержание правоохранительных органов, не сравнимых с нынешними дотациями угольной промышленности. Массовая безработица в теперешних условиях — это массовая преступность и превращение малых шахтерских городов в максимально криминогенные районы.

Отсутствие конструктивных решений со стороны отраслевого и местного руководства приводит к деструктивным действиям со стороны работников предприятий (перекрытие Транссибирской магистрали).

В этом отношении интересен еще один факт. Во время митинга у городского Дома Советов толпа была готова откликнуться на свежую идею. Это предположение высказано ведущими телепрограммы «Пульс» еще во время февральской забастовки; как возможное действие шахтеров в случае бездействия властей. Идея витала в воздухе, а благодаря телевидению она «овладела массами». В этом смысле роль средств массовой информации явно недооценивается. Сейчас говорят о возможности в случае осложнений перекрыть или даже взорвать нефтепровод, который поблизости проходит. Характерно, что в городе взрывы социального возмущения сопровождаются взрывами аммонита. По сообщению редактора газеты «В бой за уголь», недавно два молодых человека погибли, пытаясь взорвать шикарный особняк, построенный в поселке обогатительной фабрики. При наличии на шахтах участков буро-взрывных работ доступ к взрывчатке не явится особой проблемой, если шахтеров в очередной раз «припрут к стене».

Политический прогноз

Накопившееся раздражение шахтеров, невозможность конструктивного диалога с властями и руководством отрасли, ведут к тому, что от забастовочной борьбы, которая протекает в рамках закона и ни к чему уже не приводит, отказываются и обращаются к незаконным и откровенно экстремистским мерам. Именно это объясняет тот факт, что наиболее «революционные» и экстремистские выступления Жириновского встречают самую горячую поддержку среди рабочих, так как соответствуют внутренним их побуждениям и выражают их настроение. Дальнейшее ухудшение положения рабочих промышленных предприятий ведет к тому, что будет расти социальная база поддержки ЛДПР либо иной партии, которая призовет к наиболее решительным действиям против существующего положения и сумеет организовать эти действия под лозунгом наведения порядка в стране. В нынешней ситуации очень сильна тяга к «наведению порядка». Единственный конструктивный механизм — это восстановление силы закона. Наибольшую поддержку (включая поддержку на предстоящих выборах) населения получит та политическая сила (организация), которая сумеет воспользоваться этим механизмом. Все остальные пути ведут к нарушению закона, силовому противостоянию, что в условиях экономического развала приведет к полному краху государства и правовому беспределу отчаявшихся людей.